

и Щучинское районное унитарное предприятие «Эпоха в лицах»

 УНП 500000015
УНП 500031762

ГОРИЗОНТЫ ПРОШЛОГО

ская Россия, по сути, была сдана в концессию англо-американскому капиталу, где с рубля прибыли ей оставалось от пяти до двадцати копеек. Реванш традиции и укрепления государства был неизбежен.

Не все было просто и с вопросами индустриализации. Это тот случай, когда вопросы технической модернизации приобретали все черты политической борьбы. Группа российских историков во главе с Николаем Смирновым создала многосерийный документальный цикл «История России XX века». Выводы, к которым приходят авторы, для многих не бесспорны, идеологическая составляющая для многих очевидна. Но фактурный материал заслуживает внимания и доверия.

Первоначальный план индустриализации, предложенный Сталиным, не мог быть принят по причинам противодействия со стороны Запада. Сегодня как открытие многие узнают, что дело «Промпартии» и «Шахтинское дело» не были сфальсифицированными. Сфальсифицированными их объявил Никита Хрущев в 60-е годы прошлого века. Суд над руководителями «Промпартии» начался 7 декабря 1930 года в Москве. Группа технической интеллигенции во главе с директором Всесоюзного теплотехнического института Леонидом Рамзиным обвинялась во вредительстве в промышленности и на транспорте в 20-е годы. Пятерых обвиняемых приговорили к расстрелу, который затем был заменен тюремными сроками. На расстреле настаивал не Иосиф Сталин, а Николай Бухарин. Кто такой Леонид Константинович Рамзин? Участник разработки плана ГОЭЛРО по электрификации всей страны, создатель и основатель теплотехнического института. После оккупации Франции в 1940 году французские мasonicкие архивы оказались в Берлине, а в 1945 году вывезены в СССР и находятся в архивах КГБ, которые сегодня рассекречены.

Из этих документов следует, что Леонид Рамзин, находясь в Париже, в 1928 году выступил перед членами организации «Торгпром», объединяющей бывших владельцев заводов и сырьевых добывающих предприятий, национализированных после Октябрьской революции. В докладе Рамзин сказал: «Один из наших методов — метод минимальной стандартизации, что тормозит экономическое развитие страны и снижает темпы индустриализации. Далее существует метод создания диспропорций между отдельными отраслями народного хозяйства. И, наконец, существует метод омертвления капитала. Иначе говоря, вложение капитала в совершенно ненужное строительство. Без сомнения, они (эти методы) понизили общий уровень экономической жизни страны, что вызвало широкое недовольство населения. Нам нужна ваша активная помощь, но еще нужнее вооруженная интервенция для свержения большевиков». Вам ничего это не напоминает из нашей недавней советской жизни, борьба с долгостроем и так далее?

Но и это не все. После него выступил Денисов, председатель «Торгпрома»: «Как вам известно, мы совещались с господином Пуанкаре (президент Франции), а также с господином Брианом (министр иностранных дел). Господин Пуанкаре одобрил план военного похода против Союза Советских Социалистических Республик и во время одного из наших последних совещаний с ним, как вы, вероятно, помните, господин Пуанкаре сообщил, что вопрос этот передан французскому генеральному штабу для разработки. Теперь могу порадовать вас дополнительными сведениями чрезвычайной важности. Могу сообщить вам, что французский генеральный штаб создал специальную комиссию с полковником Жуанвиллем во главе для организации нападения на Советский Союз». Первоначально нападение планировалось на лето 1929 года, затем его перенесли на 1930 год. Кроме французцев в интервенции планировали принять участие Веймарская Германия, Польша Пилсудского, страны Балтии и Румыния. Королевская Румыния должна была стать инициатором конфликта. Этот план так и остался планом по той простой причине, что у Англии и США были весьма серьезные финансовые интересы в СССР, от концессий до участия в масштабной программе создания новых промышленных гигантов на территории Советского Союза.

Нужно понимать психологию того времени и с этой точки зрения оценивать те далекие события. Весь трагизм ситуации того времени в том, что по другому быть, скорее всего, и не

могло. Но индустриализация, как бы к ней ни относились, тем не менее состоялась, другой вопрос, какой ценой. Многие и сегодня считают, что самым лучшим памятником Сталину, который нельзя снести, является индустриальный гигант не только того, но и нынешнего времени — Магнитогорский металлургический комбинат, запуском которого руководил Яков Семенович Гугель — уроженец Горок Могилевской области, впоследствии также репрессированный и расстрелянный, который стал прототипом Марка Рызанова в известном романе Анатолия Рыбакова «Дети Арбата».

«По разрушительности последствий для общества с гражданским противостоянием не может сравниться ничто. Верх в нем берет тот, кто проявит абсолютную монолитность и будет более жестоким, нежели его противники».

— Ленинский проект создания первого в мире социалистического государства, казавшийся вечным, не состоялся. В чем причины и каковы источники этой неудачи?

— Это не совсем так. Та система государственного устройства после смерти Ленина претерпела такие изменения, что от первоначального замысла не осталось и следа. Советская властная система всегда тяготела от феодализма к унитарности. И завершающим аккордом в этом смысле стали массовые репрессии 30-х годов прошлого века. Сама партия, которую мы знаем как КПСС, с этого момента стала системой политического управления. Все серьезные политические решения принимались в Москве на уровне аппарата ЦК КПСС и всегда носили непубличный характер. Публичная практика того времени не допускала мысли о критике решений высшего органа партии. Ленинское выражение «аппарат сильнее совнаркома» — не всплеск эмоций, а реальное осознание того факта, что если что и погубит советскую систему, так это бюрократизация всего и вся.

Был ли это социализм, изначально заявленный главной целью основателя и первого руководителя советского государства? Ответа на этот вопрос нет и сегодня.

— В чем причина неудачи горбачевской перестройки и была ли у нее альтернатива?

— Альтернативы реформам не было и быть не могло. Но история и здесь повторилась — за провозглашаемыми лозунгами о демократизации экономической и политической жизни скрывался постмодернистский проект московской политической элиты второго и третьего уровня, встроенных или обслуживающих власть. Целью этого проекта была конвертация власти в реальную собственность. Никто из первых лиц страны или их детей олигархами не стал — это факт, все оказалось в руках тех, кто в советское время принимал решения на уровне аппарата. Это было время трогательной некомпетентности со стороны первых лиц страны и элементарного незнания законов рынка, который был объявлен панацеей от всех бед. Директоров крупных предприятий стали избирать на собраниях трудовых коллективов, прибыль делить там же, вопросы дефицита стирального порошка обсуждать на Совете Министров СССР с прямой трансляцией по телевизору и так далее. Над нами смеялась и на нас зарабатывала вся Европа, у которой мы скупали весь залежалый товар по космическим ценам в обмен на сырье.

Быт раздавливал и унижал советского человека. Скептицизм, как всякая разрушительная критическая работа мысли, бывает хорош в определенных дозах. Позднесоветский скептицизм ко всему окружающему по абсолютно естественным обстоятельствам перерос в отрицание ради отрицания той системы взаимоотношений, которая сложилась в Советском Союзе. Американский историк Мартин Малиа о причинах распада СССР, на мой взгляд, высказался точнее всех: «Порыв к саморазрушению, не имеющий параллелей в истории».

— Но этот проект многие сегодня считают успешным.

На фоне тотального дефицита сама постановка вопроса о возрождении национальных движений в союзных республиках была не чем иным, как насаждением национализма сверху. Появившиеся везде и всюду народные фронты, поддерживаемые из союзного центра, стали той реальной силой, которая приняла крайне националистические формы и в итоге разрушила страну, — все стали искать рецепты выживания в трудных условиях за счет друг друга, союзный центр потерял реальную власть.

— Но в Беларуси эта идея не сработала. Почему?

— Она и не смогла сработать. Я глубоко убежден, что мы не до конца понимаем и не знаем страну, в которой родились и живем. Беларусь — это европейский полустанок, связующее звено между Востоком и Западом. С врожденной на генетическом уровне национальной и конфессиональной терпимостью.

Попытка группы людей, претендовавших на власть от Белорусского народного фронта, была обречена на провал по самой постановке вопроса. Национальный язык, как субстанция любого народа, не может быть предметом политики. Замечу, что закон о возрождении белорусского языка, продуманный, мягкий и очень точный, принял Верховный Совет 11-го созыва — абсолютно коммунистический. Вся управленческая элита, понимая деликатность проблемы и ее сложность, поддержала его. А что в итоге? Большой вред, чем это сделала националистическая фракция 12-го созыва, представить себе трудно. Большевицкий наскок в языковом вопросе вызвал полное отторжение в обществе.

По глубине, накалу и масштабности последствий Великая Октябрьская социалистическая революция стоит на первом месте. Ленин — политик номер один в XX веке.

Здесь нужно понимать принципиально важный источник проблемы. Традиционное аграрное общество по своей природе имеет язык титульной нации. Индустриальная эпоха приносит в повседневную жизнь двуязычие — в технической области начинает доминировать язык той нации, техническая культура которой выше или в количественном отношении которой больше. Русификация пришла к нам не из России, ее источник — индустриализация Беларуси в послевоенное время. В многонациональной стране язык межнационального общения выступает средством коммуникации среди технической интеллигенции. Согласитесь, для изучения технических дисциплин на национальном языке нужно создать соответствующие институты, которые этим займутся. Но зачем это делать, если потом придется переучивать всех инженеров, выпускать новую техническую документацию параллельно на русском языке и так далее. Вопрос в другом. Само собой разумеется, что при соприкосновении двух близких языков один из них со временем исчезнет. А для того чтобы его сохранить, его нужно поддерживать. Эта идея и была заложена в законе о национальном языке Верховным Советом 11-го созыва. В постиндустриальную эпоху, которую мы называем эпохой информационной экономики, двуязычие становится обязательным, владение одним из ведущих мировых языков становится обязательным. Зайдите в любую IT-компанию, сотрудники в ней полдня говорят по-английски.

Язык — крайне деликатная проблема. Вспомните, с чего все началось на Востоке

Украины, с проблемы русского языка. Промышленные регионы Украины говорят по-русски, но это вовсе не значит, что они перестали быть украинцами. Проблему решили устранить кавалерийским наскоком, получили кровопролитие, которое неизвестно когда закончится.

Вторым моментом стала публичная полемика вокруг конфессиональной проблемы. Под лозунгом восхваления униатства в подтексте многие почувствовали завуалированную попытку полонизации. В стране, где на всякие обсуждения межконфессиональных проблем на уровне генетики в обществе наложен запрет, подобное выглядело полным безумием и неуважением к жителям не только восточных, но и западных регионов. А попытки, предпринимаемые в конце 1992 — начале 1993 года с подачи некоторых ученых и журналистов, реабилитации националистических вооруженных формирований, типа Армии Крайовой, замены формулировки «ветеран Великой Отечественной войны» на «ветеран Второй мировой войны» в обществе были восприняты как попытка ревизии отечественной истории и не нашли поддержки. У некоторых наших соседей это сделали, к чему это привело, мы сегодня видим.

— Наши взаимоотношения с Россией в последнее время носят непростой характер. Порой создается впечатление, что на Востоке нас не всегда хотят понять. Что вы думаете по этому поводу?

— Год назад во время обсуждения двадцатилетия подписания договора о Союзном государстве мне в голову пришла несколько крамольная мысль. Этой проблеме были посвящены многочисленные статьи и телепередачи, где с разных точек зрения оппоненты хотели придать некую наукообразность аргументам как за союз с Россией, так и против него. Я поймал себя на мысли о том, что предмета обсуждения как такового нет. Против нашего разведения в 1991 году протестовала сама генетическая память.

Но проблемы во взаимоотношениях есть, как есть они в любой семье или коллективе. Но даже если они возникают, то я абсолютно убежден, что решение мы всегда найдем, — мы обречены друг на друга самой судьбой. Проблема некоторого непонимания есть. Это тот случай, когда арифметика работает не за, а против. Размер территории, объем экономики здесь вторичен. Мне думается, что проблема некоторого непонимания кроется в другом — у нас с

Россией разные уровни разбега. Скажем честно, мы живем в эпоху военной цивилизации, свято чтим полководцев и воинов, а гражданские подвиги порой забываем. Увы, но сермяжная правда состоит в том, что военно-промышленный комплекс, как и военные столкновения в той или иной точке мира, является основным двигателем для развития экономик стран, которые определяют мировой порядок. Историческая судьба России, ее размеры, уровень влияния на мировую культуру таковы, что она всегда будет участвовать в общемировых процессах, независимо от каких-либо внутренних проблем. И это будет давать ей импульс к дальнейшему развитию. Небольшой Беларуси, чтобы добиться чего-то того, о чем будут говорить во всем мире, нужно сделать сверхусилие, чтобы стать заметной на мировой площадке.

— В чем, на Ваш взгляд, феномен современной Беларуси?

— XXI век и новое тысячелетие, несмотря на все ожидания, начался бурно и очень конфликтно — террористические акты, локальные кровопролитные военные конфликты не только в мире, но и на постсоветском пространстве. Беларусь сегодня остается на всем постсоветском пространстве единственным местом для безопасного личного проживания. И в этом несомненная заслуга нашего Президента Александра Лукашенко. Экономические трудности временны, а мы, живущие на этой земле, постоянны.

Полный текст интервью — на сайте zviazda.by.